

Владыки капиталистического мира

А. ПОКРОВСКИЙ
**ИМПЕРИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ**

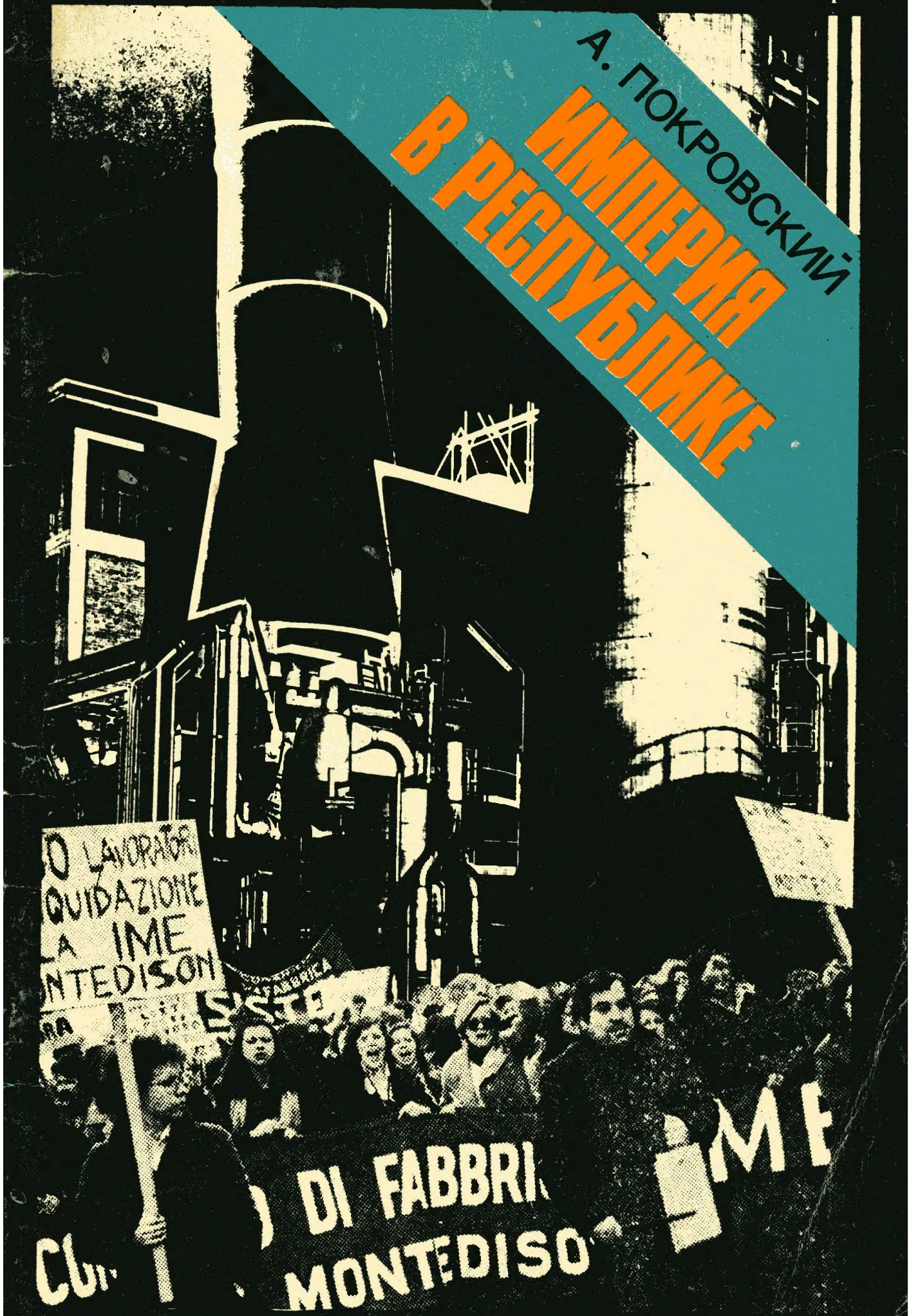
IO LAVORATORI
QUIDAZIONE
LA IME
NTEDISON

DI FABBRICA
SISTEMI

Club

DI FABBRICA
MONTEDISO

IME

Владыки
капиталистического
мира

А. ПОКРОВСКИЙ
**ИМПЕРИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1979

Содержание

«ТЕМНОЕ ДЕЛО» В МИЛАНЕ	3
К ВЕРШИНАМ ВЛАСТИ	7
БОГ НА СТОРОНЕ БОЛЬШИХ БАТАЛЬОНОВ	12
ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЗА МИЛЛИОНАМИ	20
ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ПО-ИТАЛЬЯНСКИ	24
КАК ЗАВЛАДЕТЬ ХИМИЧЕСКИМ ОЛИМПОМ	29
ПОВЫСИТЬ ПРИБЫЛИ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ	34
ОПЕРАЦИЯ «БОЛЬШОЕ МАРОДЕРСТВО»	41
ТАК ПРОХОДИТ МИРСКАЯ СЛАВА	45

П48 Покровский Александр Николаевич.
Империя в республике.— М.: Политиздат,
1979.— 48 с.— (Владыки капиталистич. мира).

В памфлете экономиста-международника показана картина монополистической экспансии крупнейшего в Италии нефтехимического концерна «Монтэдисон» и та обстановка социально-экономических и меж-империалистических противоречий, в которой развивается его деятельность на внутреннем и внешнем рынках. В публицистической форме автор рассказывает об истории возникновения концерна, о его роли в экономике страны, об ожесточенной борьбе различных групп буржуазии за господство в концерне.

Памфлет рассчитан на широкие круги читателей.

П $\frac{11105-201}{079(02)-79}$ 201-79 0604040000

65.9(4Ит)
33И

Заведующий редакцией *В. Т. Пискунов*
Редактор *Н. В. Медова*
Младший редактор *Н. Т. Матвеева*
Художник *Г. Ш. Басыров*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *О. М. Лыгина*

ИБ № 894

Сдано в набор 23.02.79. Подписано в печать 06.04.79. А00339. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 2,52. Учетно-изд. л. 2,67. Тираж 200 тыс. экз. Заказ № 3684. Цена 10 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

«Темное дело» в Милане

В один из июньских дней 1971 года у внушительного особняка, расположенного в центральном квартале Милана на площади Бонапарте, остановилась полицейская машина. Седой комиссар, проработавший в органах общественного порядка большую часть своей жизни и повидавший много на своем веку, не спешил покидать уютный салон автомобиля, внутренне подготавливая себя к предстоящей операции. Его невозмутимость и хладнокровие, вызывавшие уважение и зависть сослуживцев, были хорошо известны миланскому преступному миру, который твердо усвоил, что «с комиссаром Джанкарло шутки плохи». Но на этот раз речь шла не об аресте шайки террористов, расплодившихся в последние годы, и не о раскрытии подпольного притона наркоманов. Здание, куда направлялся комиссар, принадлежало всемирно известному химическому концерну «Монтэдисон» — самой крупной компании не только в Ломбардии, но и во всей Италии.

Здесь, в строгих кабинетах, отделанных темным старым деревом, располагался генеральный штаб — правление обширной химической империи. От этого величественного здания шли незримые нити к сотням заводов и фабрик, к торговым центрам и складам, к представительствам и филиалам. Не только во всех областях и крупных провинциях Италии, но и более чем в пятидесяти странах мира неустанно трудились люди «Монтэдисона», повинувшись распоряжениям, непрерывно поступающим с площади Бонапарте. Концерн принадлежал к семейству транснациональных корпораций, каждая из которых по своему могуществу и влиянию в мире являлась, по существу, автономным государством со своими внутренними порядками, правительством и политикой.

Для комиссара, миланца по рождению, «Монтэдисон» служил примером того, чего могут добиться предприимчивые ломбардцы, если берутся за дело по-серьезному. В душе он, как и многие миланцы, гордился тем, что именно миланская компания выходит на первые роли,

сравнявшись по известности с таким гигантом, как ФИАТ. И поэтому ему было крайне неприятно выполнять порученное задание. В портфеле комиссара лежал ордер на секвестр всей документации концерна за последние 15 лет. Это могло повлечь за собой возбуждение уголовного дела против достойных и респектабельных людей, создавших славу «Монтэдисона». Оставив наконец автомобиль, комиссар в сопровождении двух агентов направился к массивным дверям. Его наметанный глаз сразу же зафиксировал несколько репортеров, притаившихся, подобно охотникам, в укромных местах вестибюля. Стало ясно, что, несмотря на тщательную секретность подготовленной операции, скандальной огласки не избежать.

Вечерние газеты вышли с крупными сенсационными заголовками, сообщавшими, что полиция имеет в руках доказательства существования «черных фондов», используемых для «подкармливания» политических деятелей и нужных лиц. Говорилось также и о возможном привлечении к ответственности бывшего президента «Монтэдисона» Д. Валерио, а также лиц из его ближайшего окружения — Де Бьязи, Янни, Мольтени за фальсификацию балансовых данных и незаконное перераспределение доходов концерна.

Миланская полиция получила строгие инструкции министерства внутренних дел не предавать гласности материалы секвестрованных архивов и не предпринимать каких-либо шагов по расследованию злоупотреблений в «Монтэдисоне» без особых на то указаний. Однако вездесущие газетчики никому не ведомыми путями узнали некоторые подробности, о которых многие уважаемые итальянские граждане предпочли бы забыть.

Сообщение о «черных фондах» не явилось неожиданностью. Впервые об их существовании сообщил Чезаре Мердзагора еще год назад на годовом собрании акционеров «Монтэдисона», весной 1970 года. Он только что занял пост президента после поверженного Д. Валерио и критически оценивал дела своего предшественника. Ч. Мердзагора вошел в сферу большого бизнеса, покинув политическую арену: в течение многих лет он избирался председателем сената — высшей палаты итальянского парламента.

Опираясь на связи и опыт парламентской работы, Мердзагора начал борьбу за укрепление своего положения в штабе «Монтэдисона». Однако его прямолинейность

вызвала озабоченность не только среди членов правления концерна, но также и в правительственных кругах. Через полгода после заявления о «черных фондах» Мердзагора был вынужден подать в отставку. Тем не менее круги от камня, брошенного бывшим председателем сената, рябили воду. Возбужденной общественности требовалось успокоительное средство. В конечном итоге миланская полиция была вынуждена реагировать.

Из секвестрованных материалов следовало, что многие политические партии в течение последних 15 лет получали солидные денежные средства из «черных фондов». В печати появились имена Малогоди — председателя либеральной партии, Ненчони — главы сенатской фракции неофашистов, ряда известных демохристианских деятелей, и в их числе Фламинио Пикколи — бывшего политического секретаря партии, социалиста Джованни Пьераччини и социал-демократа Умберто Тапамоно. Был назван еще десяток имен, свидетельствовавших, что за исключением коммунистов нелегальной денежной поддержкой концерна пользовались все политические партии Италии. Скандальное дело с «черными фондами» заставило пережить неприятные минуты многих влиятельных лиц, которые не замедлили принять меры с целью притушить разгорающийся пожар.

В ход были пущены деньги, связи, давление, угрозы. Газеты, казалось, потеряли интерес к «черным фондам», тем более что следствие велось медленно, с крайней осмотрительностью и не давало новой пищи для сенсационных сообщений. Время от времени находящийся на пенсии экс-президент концерна Валерио вызывался из Милана во Дворец правосудия в Риме. Он уточнял отдельные детали дела вежливым чиновникам, для которых оставался прежде всего крупной фигурой бизнеса, а следовательно, богатым и влиятельным человеком. То, что он обвинялся в нарушении закона, никого не шокировало: были преступления во много раз опаснее по сравнению с махинациями в «Монтэдисоне».

Следствие затянулось на несколько лет и грозило стать одним из самых длинных процессуальных мероприятий, к которым итальянская публика уже привыкла. Прекратить его и сдать в архив означало бы оправдать незаконные действия, что могло вызвать нежелательную критику со стороны оппозиционных партий; передача же дела в суд была связана с еще большими осложнениями. Никто не торопил следствие. Новые события захлестну-

ли дворец на площади Бонапарте. О Валерио и его судьбе не вспоминали.

Однако «темное дело» в Милане позволило на один миг заглянуть на тайную кухню монополий, тщательно замаскированную от широкой публики. Оно еще раз подтвердило, что их интересы выходят далеко за рамки бизнеса. Не только строительством новых предприятий и совершенствованием технологии занимаются административные советы «Монтэдисона» и других промышленных гигантов. Значительная часть прибылей идет на финансирование мероприятий, не имеющих никакого отношения к сфере деловой активности.

Под покровом коммерческой тайны скрыта широкая клиентура, бумажники которой систематически заполняются новенькими банкнотами. Это не только традиционные и в целом ничтожные подачки неустойчивым профсоюзным деятелям, не только оплата сети осведомителей и других «нужных» людей, которые рекрутируются хозяевами большого бизнеса из деклассированных слоев населения. Время от времени в печать проникают скандальные факты, свидетельствующие, что монополии выделяют огромные средства для укрепления антидемократического фронта, для привлечения в свой лагерь наемников из наиболее реакционных слоев итальянского общества. Такая щедрость крупной буржуазии объясняется растущим страхом перед силой рабочего движения, угрожающе расшатывающей устои капитализма.

Совершенно очевидно, что неофашистское движение в Италии финансируется не за счет членских взносов и скромных пожертвований бывших соратников дуче, избежавших ответа за свои преступления перед народом. Этих денег не хватает даже на содержание официального аппарата партии и печатные издания. Откуда же взялось самое современное оружие, конфискованное при аресте некоторых террористических групп, откуда скоростные автомобили, виллы и обширные угодья, где собираются и проходят подготовку неофашистские молодчики, и, наконец, откуда иностранная валюта у разоблаченных ландскнехтов, спешно убегающих за границу от уголовной полиции?

Следы ведут в двух направлениях. Одно из них теряется в мрачных лабиринтах иностранных разведок, второе указывает на сейфы и банковские счета национальных монополий. И кто знает, какая часть средств, полученных неофашистом Гастоне Ненчони от «Монтэдисо-

на», как об этом сообщал журнал «Панорама» в ноябре 1972 года, пошла на избирательную кампанию, а какая — на закупку новейшего оружия в Соединенных Штатах?

Следственные органы не желали касаться таких деликатных вопросов, как, впрочем, они не углублялись и в ряд других скандальных дел, оставшихся не законченными и по сей день.

Итальянские служители Фемиды твердо усвоили одно: всякое выявление деталей большинства преступлений неизбежно затрагивает интересы влиятельных людей, честь которых правосудие должно оберегать от посягательств и компрометации. Слишком внимательное рассмотрение различных «темных дел», аналогичных «черным фондам» «Монтэдисона», зачастую оканчивается политическими скандалами, в результате которых вынуждены покинуть государственные посты известные всей стране лица.

Следствие по «Монтэдисону» тоже могло разрастись в неприятную для уважаемых политиков историю. Поэтому «черным фондам» уделялось незначительное внимание: чем меньше шума, тем лучше. Фемиде не только завязывают глаза, иногда для «общественного спокойствия» ей связывают и руки.

К вершинам власти

Империя «Монтэдисон» образовалась в 1966 году в результате слияния концернов «Монтекатини» и «Эдисон». Еще несколько лет назад обе компании были далеки от мысли объединиться с кем бы то ни было. В 1963 году, когда праздновалось 75-летие со дня основания «Монтекатини», все были в приподнятом настроении. Еще бы, за три четверти века скромное предприятие по разработке пиритов, начавшее свою деятельность в 1888 году в тосканском местечке Монтекатини, превратилось в могущественную химическую монополию, широко известную за пределами Италии.

Вспоминали с оттенком благоговения и Гуидо Донегани — президента треста, стоявшего у его кормила с 1910 по 1945 год. Это его деловая интуиция и настойчивость способствовали второму рождению «Монтекатини». Чувствуя приближение большого международного конфликта, Донегани еще до первой мировой войны убедил административный совет в перспективности производст-

ва взрывчатых веществ. Впоследствии выгодное начинание обернулось огромными военными заказами, обогатившими компанию и выдвинувшими ее в число ведущих промышленных монополий Италии, наряду с ФИАТ, «Пирелли» и другими апеннинскими «индустриальными грандами».

После прихода фашизма к власти Донегани стал активным членом партии «чернорубашечников» и доверенным лицом Муссолини. Ему обеспечили постоянное кресло в верхней палате фашистского парламента и почтительно величали сенатором. Дуче лично интересовался ростом производственных мощностей и укреплением экономического потенциала «Монтекатини», хорошо понимая, что в предстоящей войне химия будет играть первостепенную роль. Перед второй мировой войной компания, руководимая Донегани, производила 75% всех химических продуктов, выпускаемых в Италии.

Аппетит сенатора разыгрывался все сильнее по мере укрепления в национальной экономике позиций руководимого им треста. Он постепенно начал создавать заграничную сеть подконтрольных предприятий, ссылаясь на то, что бизнесу противопоказана теснота. Руководство «Монтекатини», уверовав, что и итальянским бизнесменам причитается кусок европейского пирога, активизировало свои действия в Албании, Румынии, Болгарии и других государствах. В Румынии, например, Донегани вложил значительные капиталы в нефтяные компании «Петролина» и «Континентале петролифера», в Болгарии — в производство химических продуктов фирмы «Аммонал».

Однако капризная судьба подготовила печальный финиш, казалось бы, блистательной карьеры бессменного президента. Разгром фашизма поставил в щекотливое положение всех активных коллаборационистов, а сенатор Донегани был единомышленником и ближайшим соратником тех, кто вверг страну в военную авантюру, причинившую итальянскому народу неисчислимые страдания. Поэтому, когда в апреле 1945 года дуче был расстрелян по приговору партизанского суда, президент «Монтекатини» угодил за решетку. Правда, американские оккупационные власти выпустили его на волю уже через два месяца, несмотря на протесты прогрессивной общественности и забастовку рабочих-химиков, требовавших сурового наказания промышленника-фашиста.

Многие приближенные Донегани чувствовали себя

тогда прескверно. Не был исключением и граф Карло Фаина.

Фаина пришел в «Монтекатини» в 1926 году в возрасте 32 лет, имея за плечами уже немалый жизненный опыт. Аристократы-родители не готовили его к карьере бизнесмена, и молодой Фаина специализировался в юридических и экономических науках. Свои знания он успешно применил после окончания университета, работая секретарем торговой палаты в Виченце, а затем в Национальном сельскохозяйственном банке в Милане.

Карьера молодого экономиста на поприще химического бизнеса складывалась успешно. Его деловитость и горячая приверженность фашистским доктринам обратили на себя внимание самого Донегани, который не замедлил ввести Фаину в административный совет.

Покровительство президента «Монтекатини» открывало перед ним широкую дорогу к вершинам власти. В короткий срок он стал депутатом парламента, членом исполнительной комиссии союза промышленников и в своих честолюбивых мечтах все чаще видел себя химическим королем, твердой рукой принявшим эстафету от стареющего сенатора.

Теперь же прошлые успехи оборачивались против графа, и он был вынужден держаться в тени, тише воды, ниже травы. К радости Фаины и многих известных капитанов итальянской индустрии, никаких репрессий по отношению к промышленникам, помогавшим Муссолини готовить страну к войне, предпринято не было. Вернулся скрывавшийся в Швейцарии президент ФИАТ Витторио Валлетта, возобновил свою деятельность глава «СНИА-Вискозы» Франко Маринотти.

Постепенно прошли и страхи Фаины. Он почувствовал, что такие люди, как он, высоко ценятся американскими политическими стратегами, больше всего на свете опасавшимися установления на Апеннинах демократического строя и оказывавшими всяческую поддержку «старой» промышленной элите. Тщательно изучив политическую и экономическую конъюнктуру, Фаина пришел к выводу, что настал его час. Было совершенно очевидно, что американцы, крайне озабоченные растущим влиянием итальянских коммунистов, сделают все возможное для возрождения и укрепления бывшего влияния крупной буржуазии.

Ободренный, полный новых честолюбивых замыслов, Фаина с головой окунулся в запутанные войной и после-

военной инфляцией дела «Монтекатини». В 1946 году Фаина стал генеральным директором и полномочным управляющим, что означало совмещение общего руководства концерном с оперативной деятельностью ведущего менеджера. Вместе с инженером-химиком Пьеро Джустиньяни он начал разработку долгосрочного плана восстановления и расширения производственной базы концерна.

Американские кредиты и правительственные субсидии в сочетании с энергией Фаины и его приближенных дали ощутимые результаты. К концу 1947 года было введено в эксплуатацию 150 предприятий «Монтекатини» против 50, функционировавших в начале года; уровень производства приблизился к довоенному.

Фаина и Джустиньяни большую ставку сделали на укрепление научно-исследовательской базы «Монтекатини», на освоение новых технологических процессов. Были установлены тесные контакты с заокеанскими химическими монополиями-гигантами и заключен ряд соглашений о сотрудничестве и обмене научной информацией.

Деятельные управляющие концерном добились учреждения в 1948 году правительственного научно-исследовательского «фонда Донегани», после последовавшей в 1947 году смерти так блистательно начавшего и так бесславно завершившего свой жизненный путь экс-президента «Монтекатини».

По политическим мотивам правительственные круги в первые послевоенные годы считали нецелесообразным предоставлять графу пост главы концерна. Но это несколько не обескуражило Фаину, который до поры до времени сквозь пальцы смотрел на то, что президентское кресло занимал Джузеппе Манчини, работавший в «Монтекатини» без году неделю, а пост вице-президента оккупировал Джакомо Фаузер — известный химик. Фаузер еще в 1921 году запатентовал процесс получения связанного азота и синтетического аммиака, известный во всем мире как метод Фаузера — Монтекатини.

Манчини, в прошлом правительственный комиссар и президент Конфиндустрии (союза промышленников), служил рекламой респектабельности и лояльности концерна и глубоко не вникал в деловую жизнь, предоставляя Фаине решать основные оперативные вопросы. Что же касается Фаузера, то он целиком и полностью был занят организацией научных исследований: оборудованием лабораторий, подбором исследовательских кадров, изу-

чением зарубежного опыта. Это он в первый же послевоенный год «открыл» в Миланском политехническом институте сорокалетнего ученого Джулио Натта и добился того, чтобы концерн приобрел коммерческие права на все его научные работы.

Впоследствии Натта достиг выдающихся успехов. В 1954 году он получил в лабораториях «Монтекатини» новый полимер — полипропилен — материал, обладающий высокой термостойкостью, легкостью и необыкновенной механической прочностью. Патенты на изготовление полипропилена приобрели десятки стран, имя итальянского ученого облетело весь мир, и в 1961 году ему была присуждена Нобелевская премия.

Фаина хорошо усвоил, что карьера меньше всего зависит от заслуг перед концерном, а определяется поддержкой наиболее крупных акционеров — подлинных хозяев положения. Поэтому он активно расширял и укреплял личные связи с наиболее крупными держателями акций — семействами Аньелли, Пирелли, Фальк, а также, по возможности, и с представителями государственного Института промышленной реконструкции — ИРИ, который в трудную для «Монтекатини» пору приобрел солидный пакет акций концерна.

Благосклонность видных людей помогла в нужный момент. В 1952 году Фаина становится вице-президентом, а в 1956 году — президентом «Монтекатини», оставаясь одновременно полномочным управляющим.

Год спустя, когда граф уже был полновластным хозяином концерна и одновременно занимал руководящие посты в ряде других крупных компаний, американский журнал «Форчун» писал, что «возрождение «Монтекатини» в большой степени дело рук графа Карло Фаины, который является сильным человеком, соединяющим в себе честность ватиканского дипломата с хладнокровием шулера с реки Миссисипи».

Правительственные и деловые круги признали его в качестве первостепенной фигуры в мире бизнеса. Его включали в административные советы крупных банков, промышленных и финансовых компаний. В 1961 году ему была вручена «премия Ванони», ежегодно присуждаемая правительством наиболее заслуженным промышленникам Италии, а несколько ранее Фаине присвоили почетное звание «кавалера труда».

Казалось бы, все способствовало процветанию графа по рождению и промышленного короля по призванию и

положению. Однако сам он все больше и больше впадал в пессимизм. Надвигалась старость: 12 октября 1964 года ему исполнилось семьдесят лет. Но дело не в возрасте. В конце концов, его тезка Карло Пирелли оставался президентом крупнейшего треста и в более зрелых годах. Годы — это опыт, который не купишь ни за какие деньги. Но когда одновременно со старостью приходит крах честолюбивых планов, пессимизм неизбежен. Задуманная им много лет назад программа превратить «Монтекатини» в могущественную химическую империю, о которой мечтал еще Гуидо Донегани, на глазах терпела фиаско. Страх превратиться во второстепенную фигуру преследовал Фаину.

Известно, что заслуги забываются быстро, а снижение размера дивиденда, к которому компания прибегла впервые за десять лет, хозяева не прощают. А причиной такого положения было одно — появление на итальянском рынке могущественных конкурентов — электроэнергетического концерна «Эдисон» и государственной нефтегазовой компании ЭНИ.

Бог на стороне брльших батальонов

Компания «Эдисон», образованная группой банкиров еще в 1884 году, спустя 80 лет все еще оставалась самой крупной частной компанией в Италии. Многие другие фирмы, основанные, подобно «Монтекатини» и «Эдисон», в конце прошлого столетия, постепенно сошли с арены большого бизнеса. «Эдисон» же, напротив, все стремительней наращивал свою активность.

Продажа электроэнергии по монопольным ценам приносила огромные прибыли, и руководство компании искало новые и выгодные сферы приложения капитала.

К этому вынуждала и грозящая возможность национализации частных электростанций, что предусматривалось одной из статей конституции страны. Еще в 1949 году коммунисты внесли в парламент предложение приступить к практическому осуществлению этой статьи, однако христианские демократы, имевшие в то время абсолютное большинство в парламенте, отвергли предложение.

Тем не менее требования подорвать могущество электроэнергетических гигантов не прекращались. Причем их поддерживал и ряд монополий. Руководители компаний

ФИАТ, «Пирелли», «СНИА-Вискоза» были заинтересованы в национализации электроэнергетики. «Что поделаешь,— говорили они,— своя рубашка ближе к телу. Пострадает «Эдисон», но мы наверняка добьемся от правительства снижения тарифов на электроэнергию».

Уже с конца 40-х годов компания «Эдисон» начала проникать в сферу химического производства и, пока шли дискуссии о национализации, интенсивно перестраивала профиль своей производственной деятельности.

В 1949—1950 годах «Эдисон» приступил к выпуску удобрений, постепенно ограничивая активность «Монтекатины» на внутреннем рынке. Начали налаживаться контакты с заокеанскими химическими гигантами «Монсанто» и «Юньон Карбанд». В 1950—1961 годах вложения концерна в химическую промышленность составили 643 миллиона долларов. Вступили в строй крупные химические комбинаты в Маргере, Мантуе, на Сицилии.

В 1962 году был принят закон о национализации электроэнергетической промышленности. Но «Эдисон» не перешел в руки государственного управления, а передал правительственным учреждениям принадлежащие ему электростанции. Государство щедро расплатилось за национализированные мощности, определив цену акций по среднему биржевому курсу за 1959—1961 годы, то есть за годы биржевого бума, когда курс был особенно высок.

Компенсация за «материальный ущерб» составила ни много ни мало, а почти три миллиарда долларов. Получив от государства столь неслыханное вознаграждение, «Эдисон» бойко активизировал свою деятельность в новых отраслях, стремясь всеми силами удержаться в первом ряду промышленных воротил.

Но «Эдисон» был не единственным противником «Монтекатины».

Одновременно высокими темпами развивался химический сектор государственной промышленности, представленный финансовой группой ЭНИ. Нефтеперерабатывающая деятельность группы, а также монопольное право разведки и эксплуатации газа в долине реки По способствовали значительным вложениям капитала в нефтехимию. Входящая в группу ЭНИ компания АНИЧ построила завод удобрений и синтетического каучука в Равенне, нефтехимический комбинат в Джела и ряд других современных химических предприятий.

В «Монтекатины» особенно остро почувствовали силу быстро окрепших конкурентов, когда были пущены в эк-

сплуатацию заводы синтетического аммиака, принадлежащие ЭНИ и «Эдисону», и доля «Монтекатини» в национальном производстве азотных удобрений снизилась с 70 до 30%. Конкуренты не замедлили развязать войну цен, забравшую много сил и заметно подточившую финансовые устои концерна. В 1958 году ЭНИ снизила цены на удобрения на 15%. «Монтекатини» и «Эдисон» были вынуждены произвести аналогичное снижение. «Эдисон» пошел еще дальше и в конечном итоге стал предоставлять скидки до 70%. Острая борьба разгорелась и на рынке пластмасс, в частности на рынке такого важнейшего продукта, как полиэтилен.

Вскоре все три компании убедились, что продолжать войну цен бессмысленно, поскольку ни один из конкурентов не собирался сдавать позиции и уходить с рынка. Началось сколачивание единого фронта посредством системы картельных соглашений и согласования монопольных цен. Однако это оказалось нелегким делом, поскольку каждая из сторон стремилась заполучить львиную рыночную долю и не проявляла большой гибкости.

Первоначально о ценах на удобрения договорились ЭНИ, «Монтекатини» и «Федерконсорци» (объединение сельскохозяйственных консорциумов, занимающееся также и продажей удобрений). Затем Фаина решил изменить курс и аннулировать соглашения с ЭНИ. В 1961 году «Монтекатини» и «Эдисон» заключили три новых картельных соглашения, на этот раз без участия ЭНИ.

Фаина крайне отрицательно относился к президенту ЭНИ Энрико Маттеи, считая его выскочкой и авантюристом. Аристократическая душа графа Карло, в глубине которой жили воспоминания о былых годах правления дуче, возмущалась от одной мысли о сотрудничестве с бывшим простолудином и партизаном, который только и делает, что мутит воду. Поэтому, когда в 1962 году Маттеи погиб в авиационной катастрофе при загадочных обстоятельствах, Фаина, как и многие его единомышленники, особенно не сокрушался. Теперь, по крайней мере, ЭНИ станет более сговорчивой.

Однако эстафету Маттеи приняли весьма напористые и опытные менеджеры Еудженио Чефис, Раффаеле Джиротти и другие, ранее мало кому известные, но хорошо подготовленные молодые люди. Они открыто посмеивались над неудачами специалистов «Монтекатини», которые до 1963 года не могли наладить производство синтетического каучука, в то время как в Равенне уже несколь-

ко лет функционировал завод компании АНИЧ, отгружающий ежегодно 90 тысяч тонн высококачественной искусственной резины.

Становилось все очевидней, что господству «Монтекатини» приходит конец и компания теряет недавно казавшиеся незыблемыми позиции на рынке. В 1950 году на группу «Монтекатини» приходилась основная добыча в стране пиритов, производство красителей, синтетического азота, пианамида кальция, алюминия, а также две трети производства ацетатного шелка, суперфосфатов, сульфата меди, серной кислоты и др. Общая доля концерна в национальном производстве химических товаров приближалась к 80%. В начале 60-х годов она снизилась до 60%, а по некоторым оценкам — до 35%.

Пытаясь сделать рывок и вывести «Монтекатини» в лидеры итальянской экономики, Фаина настоял на расширении производственных мощностей и повышении технологического уровня нефтехимического комбината в Бриндизи, строительство которого началось еще в 1958 году. По масштабам выпуска продукции и степени автоматизации комбинат, по замыслу президента, должен был стать образцом современного химического предприятия в Западной Европе. К началу 1963 года в комбинат было вложено 250 миллионов долларов, что на одну треть превышало сметную стоимость, а расходам не было видно конца. Фаина обратился за поддержкой к финансовым компаниям, в том числе и к государственным, которые предоставили ему крупный кредит в 400 миллиардов лир.

Ближайшие соратники Фаины были настроены пессимистично и не одобряли многих шагов президента. «Мы взялись за дело, которое нам не под силу,— повторяли они, имея в виду строительство комбината в Бриндизи,— и теперь нам грозит огосударствление».

Не один раз ближайшие соратники Фаины заводили разговор об объединении «Монтекатини» с «Эдисоном». Таким слиянием, говорили они, можно убить сразу двух зайцев: накинуть петлю на шею ЭНИ и во всеоружии выступить на рынке объединенной «малой Европы». Но Фаина медлил. И только когда финансовые трудности вынудили продать часть активов англо-голландской монополии «Шелл» и надежда поправить дела за счет пуска в эксплуатацию нефтехимического комбината в Бриндизи рухнула, Фаина серьезно задумался.

Мысли о возможном слиянии «Монтекатини» с «Эдисоном» занимали не только Фаину. Они не давали покоя

и руководству «Эдисона». И в то время как Карло Фаина размышлял о прошлом и будущем, президент концерна «Эдисон» инженер Джорджо Валерио тщательно изучал доклад, подготовленный ответственным секретарем юристом Бруно Янни. Секретарь выдвинул критическую альтернативу «концентрация или гибель» и упорно доказывал целесообразность конкретных шагов в первые же месяцы 1965 года.

Валерио понимал, что аргументы юриста в основном правильные. Растущие трудности сбыта на мировом рынке химических товаров, усиление западноевропейских и в особенности заокеанских конкурентов — все это диктовало необходимость объединения капиталов и производственного опыта двух итальянских компаний вместо затянувшейся междоусобицы на внутреннем рынке.

В то же время президент «Эдисона» не мог преодолеть чувства ревнивой настороженности, когда волей-неволей всплывал вопрос о командовании в новом промышленном гиганте. Конечно, он моложе графа Фаины на целых десять лет и имеет за плечами почти сорокалетний опыт менеджерской работы. Но он все же электрик, а не химик.

Валерио был ветераном «Эдисона». В 1926 году, то есть в том же самом году, когда Фаина пришел в «Монтекатини», только что окончивший Миланский политехнический институт двадцатидвухлетний инженер Джорджо Валерио переступил порог здания электроэнергетического треста, с тем чтобы на всю жизнь связать с ним свою судьбу. Молодой инженер работал с утра до поздней ночи. Им использовалась малейшая возможность продвижения по служебной лестнице. Он не признавал никаких развлечений и нарушений размеренного ритма жизни. Поставленная им задача пробиться на самый «верх» полностью отнимала досуг.

Многие годы преданно служил инженер Валерио великому богу XX века — электричеству. Он даже ездил по Милану на электрическом автомобиле — единственном во всей Ломбардии. Национализация электроэнергетики поставила Валерио перед вопросом: кому изменить — электричеству или «Эдисону»? Валерио остался в руководстве концерна с тайной надеждой отомстить «предателям» — так он называл руководителей «Монтекатини», ФИАТ, ЭНИ и некоторых других компаний, поддержавших требование коммунистов и социалистов отобрать электростанции у частных владельцев. При этом Ва-

лерии рассчитывал воспользоваться личными связями с руководителями химических американских монополий и той щедрой компенсацией, которую предоставило государство за национализированные предприятия.

Однако конъюнктура на мировом рынке подсказывала забыть старые обиды и искать союзников. «Бог на стороне больших батальонов», — повторяли теперь повсюду. Юрист Янни на цифрах доказал, что объединение «Эдисона» с «Монтекатини» выведет их в лидирующую группу химических компаний в масштабе всего мира. Что же касается руководства новой компанией, то, по мнению Янни, «Монтекатини» будет вынужден умерить свои амбиции: всем известны его финансовые трудности.

Янни заявил, что он готов навести справку и выяснить позицию Фаины, если руководство «Эдисона» ему это поручит. Инженер Валерио пожал плечами: выяснить позицию никогда не вредно, чтобы принять правильное решение. Янни приступил к организации предварительных переговоров, между тем как президент «Эдисона», снова и снова анализируя цифры и факты, приводимые энергичным юристом, все больше убеждался в необходимости слияния.

В докладе Янни давалась подробная расстановка сил в мировом производстве химических товаров и приводилась оценка выпуска основных химикатов крупнейшими концернами США и Западной Европы в 1964 году. Особое внимание Валерио привлекло сопоставление данных производства аммиака, хлора и этилена, которые вместе с серной кислотой являются главными исходными полупродуктами для изготовления широкого ассортимента товаров.

Наиболее могущественными в этой сфере были западногерманские тресты — преемники концерна «ИГ Фарбениндустри» — «Байер», БАСФ, «Хехст». «Большая тройка» координировала свои действия и выступала единым фронтом. В середине 60-х годов она представляла собой самую мощную монополистическую группировку в Европе и превосходила все другие по масштабам накопленного капитала, научно-техническому потенциалу и степени подготовки трудовых ресурсов. Компании других стран также представляли собой опасных конкурентов, вооруженных самыми современными средствами в рыночной борьбе.

В случае объединения «Монтекатини» и «Эдисона» они вплотную подошли бы к уровню производства аммиа-

ка крупнейшими западноевропейскими монополиями БАСФ и ИКИ, превзойдя всемирно известные американские корпорации «Монсанто» и «Дюпон де Немур».

Что касается хлора, то здесь «Эдисон» держал пальму первенства в Италии. Но и в этом случае слияние позволит преодолеть несколько ступенек на иерархической лестнице химических гигантов. Разумеется, с заокеанскими левиафанами, такими, как «Дау Кемикл», сравниться трудно, поскольку их производство хлора исчисляется семизначными цифрами. Но в рамках Западной Европы только ИКИ может претендовать на лидерство, в то время как «Хехст», «Пешине», «Байер» и БАСФ останутся позади.

Аналогичная ситуация сложилась на конец 1964 года в производстве этилена. Американские монополии к тому времени далеко опередили итальянские концерны. Вместе с тем суммарное производство этилена «Эдисоном» и «Монтекатини» выдвинуло бы их на первое место в Западной Европе.

Опытный менеджер, Валерио понимал важность совместных действий на внутреннем и внешнем рынках, пользу от взаимного дополнения научно-техническим опытом, от возросших возможностей маневра в удовлетворении спроса, совместного проведения социальной политики. Особенно полезным президенту «Эдисона» представлялось объединение научно-исследовательских ресурсов: ведь «Монтекатини» располагал 19 институтами и целой армией исследователей-химиков, насчитывающей 2,5 тысячи человек. А в современных условиях ни одна значительная компания не может рассчитывать на крупный успех без собственной исследовательской базы. Недаром расходы на научно-прикладные работы в ряде компаний исчислялись десятками миллионов долларов и с каждым годом все увеличивались. И это понятно. Капиталисты мертвой хваткой вцепились в ученых-исследователей и инженеров-изобретателей, убедившись, что с их помощью можно существенно увеличить доходы. «Охота за умами» превратилась в буржуазном обществе в важный ускоритель роста богатства.

Валерио прекрасно понимал значение тех усилий Фаины, которые были затрачены им для создания современного научно-исследовательского потенциала компании. Он припомнил предупреждение Фаины, сделанное еще в 1960 году на годовом собрании акционеров «Монтекатини». Граф заявил тогда, что ожесточенная конкуренция

в масштабе объединенной Европы может оказаться роковой для тех предприятий, чей потенциал окажется ниже требований времени и которые не будут в состоянии немедленно организовать крупносерийное производство на основе последних достижений науки и техники. Разумеется, он был тысячу раз прав, этот хитрый Фаина, и он добился своего: «Монтекатини» не уступает самым крупным европейским концернам по размаху прикладных исследований. В случае объединения это обстоятельство могло бы сыграть важную роль в конкуренции на мировом рынке.

Валерио учитывал также и то, что «Монтекатини» располагает широкой сетью подконтрольных предприятий, находящихся за рубежом. Вырваться на большую мировую арену было заветной мечтой инженера. Столько возможностей для предприимчивого и способного промышленника таилось в африканских и латиноамериканских странах! А его связи с промышленными королями из цитадели мирового бизнеса — Соединенных Штатов Америки! Разве они мало стоят?

Янни по этому поводу полагал, что в случае слияния «Монтекатини» с «Эдисоном» следует по примеру «Пирелли» учредить специальную международную фирму, которая занималась бы исключительно проблемами расширения зарубежной деятельности нового концерна. Деньги надо делать повсюду, а не только в Италии.

Законы капиталистической конкуренции вынуждали «Эдисон» и «Монтекатини» объединяться, несмотря на сомнения президентов обоих концернов. К этому их толкало и образованное в 1957 году Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) — союз монополий шести (а позднее девяти) западноевропейских государств, конечной целью которого было расширение сферы прямой эксплуатации трудящихся путем создания единого, или общего, рынка.

Предвкушая новые барыши в условиях упразднения таможенных пошлин, крупная буржуазия стран «Общего рынка» лихорадочно концентрировала производство. В частности, резко повысились темпы слияния предприятий, поглощения одних другими, образовывались целые промышленные империи, своего рода государства в государствах, с сотнями тысяч занятых и многомиллиардными суммами годовых оборотов.

«Концентрация или смерть!» — провозгласила свое кредо правящая буржуазия, и этот призыв, подобно сиг-

налу военной тревоги, подхлестывал и ускорял процесс образования суперконцернов во всех странах «малой Европы».

Государства «Общего рынка» делали все, чтобы помочь монополиям своих стран, открыто способствуя слиянию компаний. Широко распространились налоговые льготы, предоставляемые при слиянии монополий, устранялись препятствия законодательного характера, мешающие концентрации.

Итальянские правящие круги не остались в стороне от этой бурной деятельности. Они призывали промышленные фирмы страны к укрупнению, которое сулило увеличение доходов, взлет технического прогресса, снижение издержек производства. Умалчивалось лишь об одном — о том, что концентрация производства ляжет на плечи рабочего класса дополнительным бременем. Ведь в конечном счете все сводилось к тому, чтобы заставить рабочего трудиться интенсивней.

Юрист Янни выяснил обстановку в лагере графа Фаины и доложил, что финансовое положение «Монтекатини» весьма щекотливое, если не сказать худшего, поскольку компания находится на грани краха.

Вывод, который он сделал после своей разведывательной операции, заключался в том, что речь может идти не о слиянии двух концернов, а о поглощении «Монтекатини» «Эдисоном». «Фаину можно брать голыми руками,— заключил Янни,— он в безвыходном положении».

Последнее слово за миллионными

В это майское утро 1965 года инженер Валерио проснулся в превосходном настроении. Несмотря на духоту, царящую в Нью-Йорке в это время года, и довольно скучную перспективу предстоящего утомительного перелета через Атлантику, он чувствовал подъем и возбуждение, всякий раз охватывавшие его в периоды интенсивной деловой активности. Отказавшись от завтрака в номере, он спустился в ресторан и, с удовольствием выпив стакан холодного сока, заказал итальянского сыра и кофе. Вчера он подписал с руководителями «Дюпона» соглашение о передаче итальянскому концерну интересного технологического процесса, с помощью которого Валерио рассчитывал укрепить и расширить позиции «Эдисона»

не только в Италии, но и в других странах Западной Европы. Монопольный владелец разработанной американскими химиками технологии, «Дюпон» уступил лицензию итальянскому концерну только благодаря тесным финансовым связям, установившимся еще в «добрые старые времена», когда «Эдисон» держал в руках итальянскую энергетику. Теперь Валерио сможет опередить своих западноевропейских конкурентов.

У столика Валерио бесшумно выросла фигура в форменной куртке служащего гостиницы.

— Мистер Валерио, с Вами желает говорить мистер Аньелли.— В руках у служащего находился переносной телефонный аппарат.

— Доброе утро, дорогой инженер,— раздался в трубке глуховатый голос владельца ФИАТ.— Если Вас не чересчур утомили господа из «Дюпона», то мы с инженером Леопольдом были бы рады пригласить Вас на ленч в «Плаза» где-нибудь в половине первого. У нас есть для Вас новости.

Валерио принял приглашение, хотя и не мог подавить в себе раздражения, таившегося в душе и дававшего себя знать каждый раз, когда что-нибудь напоминало ему о национализации электроэнергетики. А ведь именно Джанни Аньелли и Леопольд Пирелли — сын и будущий преемник владельца резинового треста — сыграли неблагоприятную роль в деле расчленения «Эдисона»: они, по существу, лили воду на мельницу крикунов из «левого центра», потому что боялись растущей мощи концерна Валерио. Однако открыто игнорировать этих людей он не мог, поскольку они, не говоря уж о том, что входили в промышленно-финансовую элиту итальянского делового мира, являлись крупными акционерами «Эдисона» и «Монтекатини».

В отдельном кабинете ресторана при фешенебельном отеле «Плаза» был накрыт стол на три персоны. В центре стола прямо на белоснежной скатерти в нарочитом беспорядке лежали живые цветы. У стойки небольшого бара рядом с широким окном — Аньелли и Пирелли. Холерные улыбающиеся лица, крепкие рукопожатия и радостные восклицания.

Казалось, что в кабинете царит атмосфера непринужденности и веселости. Однако что-то мешало президенту «Эдисона» расслабиться и поддерживать безмятежный тон светской беседы. Может быть, возраст? Он был старше Аньелли приблизительно на двадцать, а что касается

Пирелли, то и на все тридцать лет. Но такая разница в годах скорее должна связывать его более молодых соотечественников. Они же не только не тушуются, беседуя с маститым менеджером, а довольно неумело пытаются скрыть снисходительные оттенки, проскальзывающие в их голосах.

Валерио хорошо знал причину этой внутренней агрессивности своих собеседников. Сознание превосходства покоилось на миллионах. Их собственники считали весь мир своим должником. Несомненно, они отдавали должное способностям и опыту президента «Эдисона», но в то же время считали вполне правомерным наличие незримой границы, отделяющей крупных акционеров, держащих в руках истинные рычаги управления и власти, от всех других людей, удел которых заключался в служении бизнесу.

Валерио в их глазах выступал как человек, хорошо усвоивший законы бизнеса и служивший ему лучше, чем многие менеджеры, а следовательно, и достойный особого к нему отношения. В то же время он оставался за барьером, отделяющим таких миллионеров, как Аньелли, Пирелли, Пезенти, Монти, от специалистов-управляющих самого высокого ранга, которых они могли отстранить без особых трудностей.

Валерио припомнились бывший президент «Ланеросси» Д. Лураги, не пришедшийся по вкусу богатым акционерам и поэтому изгнанный из компании, Пьеро Джустианиани — самый способный менеджер в «Монтекатини», возомнивший о себе больше, чем это положено управляющему, и вынужденный покинуть концерн, которому он служил всю жизнь.

Миллионеры не любят слишком самостоятельных менеджеров. Им нужны управляющие-верноподданные, управляющие-«пай-мальчики», по собачьи заглядывающие в глаза своих хозяев. Таким вышколенным менеджером был бывший президент ФИАТ Витторио Валлетта, которого выдвинул на руководящий пост основатель концерна — дед нынешнего владельца ФИАТ. Валлетта был образцом верного служения хозяевам, его усердие достигло таких масштабов, что акционеры создали ему ореол «самого талантливого менеджера» и содействовали присвоению звания профессора. Между тем именно по инициативе «старого профессора» на предприятиях ФИАТ увольняли не только коммунистов, но и всех тех, кого подозревали в сочувствии левым партиям; по распоряже-

нию Валлетты были учреждены специальные группы блюстителей внутреннего порядка, которые имели право подвергать обыску рабочих концерна, пресекать в зародыше всякую общественную активность трудящихся.

Аньелли и Пирелли, казалось, заметили некоторую окованность гостя и проявляли повышенную любезность, наперебой давали советы относительно закусок, которые два кельнера вкатили на передвижном столике. За ленчем каждый из молодых миллионеров поделился своими планами на будущее. Аньелли рассказал о переговорах с французской автомобильной компанией «Ситроен», которые в ближайшее время должны завершиться подписанием соглашения о тесном сотрудничестве, включающего объединение отдельных производств и согласование производственных программ. Дальнейшим шагом, по мнению Аньелли, будут переговоры с западноевропейскими филиалами автомобильных корпораций США о создании мощной группировки в Западной Европе, первую скрипку в которой играл бы ФИАТ. Леопольд, в свою очередь, сообщил о подготовке слияния «Пирелли» с английским концерном «Данлоп».

И только в самом конце ленча, после фруктов и кофе, Аньелли широко улыбнулся и многозначительно посмотрел на Валерио, давая понять, что пришел тот момент, ради которого его пригласили.

— Дорогой инженер,— сказал Аньелли почти торжественно,— мы хотим до Вашего сведения согласованное мнение наиболее крупных частных акционеров концернов «Эдисон» и «Монтекатини». Я не буду их перечислять: Вы их знаете лучше меня — например, Карло Пезенти или Аттилио Монти. Короче говоря, речь идет о мнении достойных людей.

Несколько мгновений Аньелли молчал, как бы давая возможность Валерио сосредоточиться, хотя этого вовсе и не требовалось, поскольку внимание гостя было напряжено до предела.

— Так вот,— снова заговорил Аньелли,— «Эдисон» и «Монтекатини» должны объединиться. Междоусобица обходится в копеечку, и акционеры весьма обеспокоены.

Вновь наступила небольшая пауза. Валерио не удивило то, что настоящей причиной их встречи явилась проблема слияния двух компаний: вопрос созрел и требовалось его незамедлительно решить. Другое дело, как это сделать? Возникали многочисленные трудности административного, финансового, организационного характера.

Акционерам до них нет дела: они знают одно — дивиденды.

— Я понимаю тревогу акционеров, господа,— сказал Валерио,— и готов предпринять некоторые шаги. Однако...— он помолчал, испытываяще глядя на собеседников,— однако договориться с графом Фаиной мне будет трудно: он ведь считает себя химическим королем.

Аньелли и Пирелли рассмеялись.

— Пусть это Вас не волнует, дорогой президент,— вступил в беседу молодой Пирелли,— граф — достойный человек, но он стар и вряд ли сможет возглавить крупный концерн. Мой отец, правда, старше и остается пока в кресле президента, но это лишь его небольшой каприз. Дела «Пирелли» ведутся фактически без его участия: Дубини, Брамбилла и я решаем все оперативные вопросы.

— Фаина не будет обижен,— вновь заговорил Аньелли,— ему можно предложить пост почетного президента. Но для ведения дел необходима сильная личность... а кто не знает, дорогой инженер, Вашей твердой руки!..

Дальнейшая беседа касалась деталей предстоящего слияния. Валерио высказал соображение, которое было поддержано его партнерами, о том, что при формировании административного совета объединенного концерна преимущества должны иметь ближайшие соратники Валерио. Это позволило бы новому президенту в более короткий срок преодолеть трудности, связанные с перестройкой управления громадной производственной машиной и сложной системой финансовых переплетений.

В самолете Нью-Йорк — Рим Валерио не раз возвращался к подробностям беседы в «Плаза», и мысли его невольно уносились в будущее уже вполне реальной империи, правителем которой будет он, некогда безвестный инженер из Милана, ставший самым компетентным менеджером Италии.

Огосударствление по-итальянски

Несмотря на то что решение об объединении «Монтекатини» и «Эдисона» могло быть принято только на годовых собраниях акционеров, намеченных на март 1966 года, известие о предстоящем слиянии двух промышленных гигантов в единый суперконцерн распространилось тотчас же после первой встречи Фаины и Валерио, на которой был рассмотрен общий план операции.

Буржуазная печать не замедлила выразить одобрение усилению концентрации в химической промышленности Италии, старательно подчеркивая необходимость и своевременность объединения национальных сил для защиты интересов всех итальянцев. Пропагандистский штаб монополий всячески стремился внушить широким слоям трудящихся, что в укреплении финансовой мощи трестов и концернов должны быть заинтересованы прежде всего рабочие, поскольку рационализация производства и расширение позиций итальянских компаний на мировом рынке ведут к росту доходов всех, кто участвует в производстве.

Бруно Янни в эти дни развернул активную деятельность, восторженно рисуя перспективы, которые открываются перед новым химическим левиафаном.

— Италии был необходим «Общий рынок»,— восклицал он патетически в беседах с журналистами,— который помог ей укрепить промышленный потенциал и выйти на арену международной конкуренции не с пустыми руками. Именно в целях самообороны «Монтекатини» и «Эдисон» объединились в единое целое, ибо концентрация в рамках национальной экономики дает возможность противостоять наступлению торговых конкурентов как в рамках «Общего рынка», так и вне его. Такова наша концепция, наша теория, от которой мы идем к практике.

Руководство коммунистической партии Италии выступило с резкими разоблачениями маневров монополий. «Это демагогия и обман общественного мнения,— заявили коммунисты в ответ на разглагольствования наемных апостолов слияния.— Объединение «Монтекатини» и «Эдисона» прежде всего удар по интересам трудящихся, национальной экономики, демократии. Гигантские масштабы финансовой концентрации и монополистическое господство в ведущей отрасли экономики отнюдь не благо, а огромная опасность для демократических преобразований и серьезное препятствие для разрешения важных проблем, стоящих перед страной».

Стремясь придать объединению концернов характер важного мероприятия, полностью отвечающего национальным интересам, правительственные круги выразили свое положительное отношение к концентрации в химической промышленности.

В январе 1966 года инженер Валерио и граф Фаина были приняты министром Пьераччини, ведавшим вопросами бюджета и планирования. В течение двух часов

министр беседовал с капитанами итальянской промышленности, уточнял детали операции по слиянию, интересовался намечаемыми на перспективу капиталовложениями. Делалось все, чтобы придать беспрецедентному факту такой крупной концентрации видимость респектабельности и общественной пользы. После беседы Валерио сообщил журналистам, что правительство в принципе одобряет предстоящую операцию, поскольку укрупнение производства, и в частности слияние «Монтекатини» с «Эдисоном», представляет собой идеальный случай для программирования национальной экономики.

В марте 1966 года наступил конец разделению существованию двух концернов. На годовом собрании акционеров «Эдисона» и «Монтекатини» проект слияния был одобрен, и новый химический гигант отпраздновал день своего рождения. Он стал называться акционерной компанией «Монтекатини — Эдисон», а сокращенно — «Монтэдисон».

Официальное оформление объединения потребовало еще нескольких месяцев бюрократической волокиты, и только 7 июля Валерио принял поздравления с назначением на пост президента химического колосса. Граф Фаина, как и намечалось, получил место «почетного президента». По его просьбе один из двух заместителей Валерио представлял «Монтекатини».

Несмотря на то что официальная резиденция «Монтэдисона» сохранилась по месту прежнего командного пункта Валерио на площади Бонапарте, Фаина и его ближайшее окружение не пожелали оставить свои обжитые кабинеты в небоскребе из стекла и бетона и остались на проспекте Донегани. Создавалось впечатление двойного управления, хотя в действительности эдисоновцы постепенно закреплялись на командных постах, вытесняя людей стареющего графа.

Постепенно Валерио полностью взял в свои руки дела концерна и погрузился в море финансовых операций и текущих проблем. Он часами изучал биржевые котировки, разрабатывал стратегические планы и тактические удары, не жалел времени для встреч с «нужными» людьми. Он верил, что его деятельность откроет новую эру в истории «Монтэдисона». Валерио не замечал, что судьба расставляет на его пути коварные сети, из которых ему так и не будет суждено выбраться. В призрачности своей удачи он убедился 10 октября 1968 года на заседании административного совета «Монтэдисона»,

срочно собравшегося в связи с чрезвычайными событиями. Но, к сожалению, отрезвление наступило слишком поздно.

Совсем недавно главе «Монтэдисона» казалось, что нет таких сил в мире, которые смогли бы вытеснить его из президентского кресла и заставить плясать под чужую дудку. Правда, трудности руководства огромным механизмом концерна возрастали с каждым днем, но Валерио не собирался складывать оружия и не оставил мысли расправиться с ЭНИ и другими конкурентами, путавшими ему карты. Под его руководством был разработан план капиталовложений на длительную перспективу, вплоть до 1974 года. Будущее сулило прибыли и славу. Однако...

Валерио не знал, что еще весной 1968 года состоялась знаменательная встреча «в верхах», которая и решила его судьбу. Тогда в кабинете управляющего Банком Италии Гвидо Карли на улице Национале в Риме собралась узкая группа предпринимателей и финансистов, причем никто из приглашенных точно не знал, о чем пойдет речь. Среди прибывших наиболее крупными фигурами являлись президент ИРИ Джузеппе Петрилли, новый глава ЭНИ Еудженио Чефис, руководитель крупнейшего кредитного института ИМИ Джорджо Каппон и директор «Медиобанка» Энрико Кучча.

— Уважаемые синьоры,— начал Карли, когда все собрались и вопросительно поглядывали на управляющего центральным банком страны.— Правительство озабочено состоянием дел в «Монтэдисоне». Прошло три года после слияния, от которого ожидалось многое, а прибыль группы из года в год снижается, задолженность ее растет. В этом году полностью упразднены пошлины для товаров, поставляемых в Италию из стран «Общего рынка», и правительство опасается, что в этих условиях наша химическая промышленность будет задавлена западногерманскими концернами. Поэтому мне поручено обсудить создавшееся положение с наиболее компетентными предпринимателями и совместно подумать, как поддержать «Монтэдисон» и вывести его из прорыва. Мы не пригласили уважаемого инженера Валерио, поскольку он не считает положение критическим и, видимо, не является сторонником какого бы ни было вмешательства со стороны. Прошу высказываться.

Первым выступил Петрилли, который напомнил, что меры по поддержанию отдельных частных группировок

предпринимателей, оказывавшихся в трудном финансовом положении, принимались итальянским правительством и ранее и получили наименование saniрующих, то есть оздоровительных, мероприятий. Сущность их заключалась в том, что государство приобретало малорентабельные предприятия, выплачивая их владельцам щедрое вознаграждение, и вкладывала в них капиталы с целью модернизации и повышения их технико-экономического уровня. Впоследствии эти предприятия либо реприватизировались, то есть вновь попадали в сферу частного капитала, либо оставались в собственности государства. Ряд таких saniрующих мероприятий был осуществлен в Италии в 20-х годах, а также в начале 30-х годов, в ходе мирового экономического кризиса. Петрилли высказался за немедленную санацию «Монтэдисона».

— Все мы уважаем инженера Валерио,— сказал он,— но самостоятельно ему не выбраться из трудностей: мы должны помочь. Я предлагаю увеличить долю участия государственных институтов в акционерном капитале концерна, после чего наши представители войдут в его руководство и с помощью дорогого Карли оздоровят обстановку.

Чефис поддержал идею Петрилли взять под контроль деятельность концерна и ввести в административный совет людей ИРИ и ЭНИ.

— Валерио и его окружение,— сказал он в заключение,— привыкли работать в относительно спокойных условиях и фактически не имеют опыта по управлению современным многоотраслевым концерном.

Каппон значительно резче высказался в адрес руководства концерна, заявив, что среди руководителей бывших электроэнергетических компаний нет ни одного настоящего предпринимателя; поэтому оказавшиеся в их руках капиталы фактически пущены по ветру, поскольку вложены в глубоко ошибочные инициативы, не приносящие итальянской экономике никакой пользы.

После длительного обсуждения был составлен детальный план биржевой операции по приобретению контрольного пакета акций, практическое осуществление которого возложили на Э. Кучча. Конечной целью этой операции было оказание государственной финансовой поддержки пошатнувшемуся гиганту, скорейшее оздоровление всей его производственной структуры. Правящие круги не могли допустить ослабления одной из

ведущих монополий, образующих материальную основу итальянского империализма.

Валерио, который невольно стал препятствием в осуществлении крупной санирующей операции, до последнего момента не мог предположить, что его положение вскоре изменится самым радикальным образом. Его уверенность в прочности своих президентских позиций базировалась на том, что его выдвинула и поддерживала группа частных акционеров, которая располагала около 12% совокупного акционерного капитала. Такой доли было вполне достаточно, чтобы контролировать решения годовых собраний акционеров, поскольку ЭНИ и ИРИ имели значительно меньшую долю, а остальные акции были рассредоточены среди 200 тысяч держателей.

Между тем Энрико Кучча приступил к осуществлению операции, разработанной на улице Национале. Его финансисты начали постепенно, соблюдая крайнюю осторожность, приобретать на фондовых биржах акции «Монтэдисона». Несколько месяцев продолжалась ювелирная работа опытейших агентов, причем ни одна из бирж Италии не отреагировала на систематическую скупку акций, и у руководителей химической империи не возникло даже малейших подозрений о готовящемся подколе. Помимо ловкости исполнителей операции на сохранение ее секретности оказало влияние снижение хозяйственной конъюнктуры в 1968 году, что определило общую тенденцию понижения курсов акций. Поэтому значительные покупки акций «Монтэдисона» не вызвали роста их курса, как это бывает при скупке акций в условиях общей устойчивости курсов.

К концу сентября дело было завершено. Государственные институты располагали 18% акционерного капитала «Монтэдисона», причем в руках ЭНИ находилось 10,5%, в то время как ИРИ держал 7,5%. Агентство печати «Италия» сообщило 7 октября, что контрольным пакетом акций самого крупного химического концерна страны завладели два государственных учреждения.

Как завладеть химическим Олимпом

В первое время даже выдавшие виды опытные биржевики не верили, что прежняя группа наиболее влиятельных акционеров, являвшаяся фактически подлинным хо-

зьяном концерна, уже не располагает достаточной силой для получения решающего количества голосов. Не поверил бы и сам президент Валерио, если бы утром 10 октября президент ЭНИ Чефис лично не представил ему документальных доказательств. Широко улыбаясь, Чефис заявил, что теперь полномочия «дорогого инженера» будут урезаны и что свою деятельность концерн должен согласовывать с представителями новых владельцев контрольного пакета. Такого унижения Валерио не знал за все 64 года своей жизни. Он бросился к влиятельным частным акционерам, но было уже поздно: ловушка захлопнулась.

Аньелли совершенно хладнокровно выслушал взволнованного президента и поспешил его успокоить:

— Не драматизируйте ситуацию, дорогой президент. Мы Вас поставили на капитанский мостик, и без нашего согласия Вас никто и никогда не потревожит.

Аньелли, хотя и не был посвящен в детали операции по захвату контроля над химическим концерном, знал, что речь идет о санации, то есть о фактической поддержке «Монтэдисона» со стороны государства. Конечно, следует определить демаркационную линию для представителей государственных институтов, но пока их активность не должна вызывать тревоги.

Дальнейшие события подтвердили, что переход контрольного пакета в руки ЭНИ и ИРИ никакой опасности интересам частных акционеров не представляет, да оно и не могло быть иначе, поскольку конечной целью этого перехода являлось увеличение прибылей крупных частных держателей акций концерна. В то же время позиция Валерио стала весьма шаткой. Введенный в административный совет «Монтэдисона» представитель ЭНИ пятидесятидвухлетний Раффаеле Джиротти с первого же дня дал понять, что его не устраивает стиль руководства президента, в частности увлечение Валерио побочными спекулятивными финансовыми операциями, медленные темпы организационной перестройки концерна и его технического перевооружения. Сам Джиротти возглавлял крупную химическую компанию АНИЧ и, будучи компетентным инженером, выдвинул новый перспективный план капиталовложений, подвергнув острый критике план, разработанный Валерио.

Химический Олимп постепенно превращался в арену столкновений различных группировок, стремящихся поставить во главе «Монтэдисона» человека из своего кла-

на. Президент такой промышленно-финансовой империи, как «Монтэдисон», — важная фигура не только в межмонополистической «войне всех против всех», но также и в политической игре. Союз партийной верхушки с руководством концерна, или личная уния президента концерна с отдельными партийными лидерами, может представлять собой весьма опасный для политических противников тандем. Поэтому не случайно одним из направлений деятельности демохристианской партии являлось максимальное усиление своих позиций в государственном секторе экономики путем выдвижения на руководящие посты крупных компаний своих людей. Делать политику, используя экономические пружины, стремились и другие партии.

Идея оздоровления концерна исходила от правительственных кругов, где преобладало влияние христианских демократов. Поэтому вся операция по захвату контрольного пакета «Монтэдисона» приобретала политический оттенок, отражая не только формальный переход большинства голосов к ЭНИ и ИРИ, но и усиление демохристианской партии в экономике.

Что касается частных акционеров «Монтэдисона», то большинство их примыкало к реакционным политическим группировкам: правому крылу ХДП, либеральной и неофашистской партиям. Они всячески препятствовали проникновению в правящую верхушку концерна «чужих» людей, к которым они в первую очередь относили представителей государственных институтов. Под их давлением из административного совета «Монтэдисона» вышел Джиротти, несмотря на то что он во многом способствовал улучшению деятельности концерна.

Кандидатуру инженера Валерио поддерживали частные акционеры в силу личных связей, а также под влиянием его прежней славы и авторитета в сфере бизнеса. Именно это обстоятельство повлияло на переизбрание Валерио в качестве президента на 1969 год. Однако дни Валерио были сочтены. Прежние его покровители, в том числе Аньелли и Пирелли, охладели к «дорогому инженеру» и рассматривали другие кандидатуры, подготавливая Валерио почетные проводы на заслуженный отдых. В начале 1970 года инженер Валерио был вынужден оставить президентское кресло, которое он занимал много лет. Радужные мечты не осуществились.

После того как Валерио был изгнан своими соперниками, то, как это часто случается с поверженными куми-

рами, на него была возложена ответственность за многомиллиардные расходы, понесенные в связи с перестройкой концерна, которая осуществлялась якобы неумело и привела к серьезной болезни химического гиганта.

Новым руководителем концерна был выдвинут Чезаре Мердзагора, бывший председатель сената, христианский демократ. Его назначение носило явно политическую окраску и отражало намерения руководства демохристианской партии усилить свое влияние в деловых кругах.

Мердзагора имел за плечами большой жизненный опыт: два года назад он отпраздновал свое семидесятилетие. Его кандидатура баллотировалась на пост президента Италии, однако не получила необходимого большинства голосов. В августе 1964 года, во время болезни главы государства, и в 1967 году, в период поездки президента Сарагата в США и Австрию, Мердзагора выполнял обязанности главы республики. Он имел также солидный послужной список в сфере бизнеса: генеральный директор «Пирелли», руководящие посты в ведущем коммерческом банке «Кредито Италияно», автомобильной компании «Альфа Ромео», финансовом холдинге «Бастоджи». Однако он был далек от конкретной деятельности «Монтэдисона» и не намеревался заниматься сугубо практическими вопросами. Основной своей задачей Мердзагора считал достижение мира на химическом Олимпе, примирение всех соперничающих группировок. Ему казалось, что многолетний опыт парламентской работы, и в частности большая практика посредничества между отдельными политическими партиями, обеспечит успех его миротворческой миссии в «Монтэдисоне». Однако в действительности все оказалось намного сложнее, чем он предполагал.

Частные акционеры настороженно относились к новому главе концерна после истории с «черными фондами», о которых Мердзагора упомянул в своем программном заявлении, вступая на пост.

Вынуждены были уйти в отставку связанные с «черными фондами» старые эдисоновцы: Бруно Янни, возвысившийся к тому времени до полномочного управляющего концерном, и Гуидо Мольтени. Мердзагора не вызвал больших симпатий также и у государственных акционеров. Представители ЭНИ и ИРИ с неодобрением восприняли меры по сдерживанию их экспансии, в частности, к его запрету приобретать новые акции концерна.

Президент «Монтэдисона» очутился в изоляции. Не

дожидаясь годового собрания акционеров, он подал в отставку. Бывший председатель сената, не терявший головы в завихрениях парламентских течений и хорошо ориентировавшийся в закулисных маневрах политических партий, не удержался и года во главе концерна. Его место занял Пьетро Кампилли. Как и Мердзагора, он был больше политиком, чем бизнесменом, являлся крупной фигурой в политической жизни Италии. Он был одним из основателей Народной партии, составившей впоследствии главное ядро христианских демократов, и занимал многие государственные посты. С 1960 года Кампилли стоял во главе важного консультативного органа при итальянском правительстве — Совета экономики и труда. Почтенный возраст нового президента (Кампилли через несколько месяцев должен был отмечать свое восьмидесятилетие) и его слабая компетентность в практических вопросах давали основание предполагать, что это фигура временная.

Действительно, в апреле 1971 года Кампилли ушел в отставку. Период «дворцовых переворотов» обещал превратиться в перманентный. По рекомендации управляющего Банком Италии было принято решение, которое для многих показалось парадоксальным, — назначить главой «Монтэдисона» президента ЭНИ Е. Чефиса, передав все дела ЭНИ в руки Джиротти.

Новый президент Еудженио Чефис был значительно моложе своих предшественников: в июле 1971 года ему исполнилось 50 лет.

Его жизненный путь тесно переплетался с судьбой Энрико Маттеи, с которым он вместе участвовал в движении Сопротивления. После войны Маттеи привлек его на работу в «Аджип», а затем и в центральный аппарат ЭНИ. Маттеи доверял Чефису выполнение наиболее сложных поручений, считая его незаурядным бизнесменом. После трагической гибели ставшего знаменитым «инженера Энрико» в октябре 1962 года Чефис был назначен вице-президентом, а в июне 1967 года — президентом ЭНИ.

Чефис оказался более удачливым президентом, чем другие: его правление длилось целых семь лет и окончилось лишь в апреле 1977 года в связи с уходом в отставку.

Устоять в течение семи лет на вершине гигантского промышленно-финансового айсберга, выдерживая ураганный ветер прямых атак конкурентов и подводные те-

чения политических интриг, казалось немыслимым делом. Однако Чефис не только выдержал многочисленные шквалы, обрушивающиеся на концерн с различных сторон, но и прочно укрепил свое положение в деловом мире. Он добился поддержки влиятельной касты крупной буржуазии, которая оценила рвение нового президента в осуществлении планов капиталистической рационализации. Демокристианская верхушка также выражала свое доверие к «доктору Чефису», убедившись, что президент «Монтэдисона» в целом конструктивный и весьма полезный для партии человек.

Причина его фантастической карьеры — от скромного служащего ЭНИ до «императора» обширного финансового государства — заключалась в том, что он лучше других усвоил законы джунглей капиталистического предпринимательства. «На войне — как на войне», — не уставал повторять он, устанавливая подслушивающую аппаратуру в стане конкурентов или заходя доселе на своего друга Джиротти, не без помощи Чефиса изгнанного впоследствии из ЭНИ. «Все средства хороши», — говорил он, угрожая отставкой с целью давления на правительственные круги, скупая газетные издательства для развертывания наступления на конкурентов в прессе или оплачивая услуги офицеров СИД — итальянской контрразведки, располагающей широкой информацией.

Об изворотливости и многоликости Чефиса не раз с восхищением писала буржуазная пресса. Незаурядные способности этого человека в сочетании с огромной энергией, беспринципностью и склонностью к авантюризму создали Чефису ореол всесильности, чуть ли не сверхчеловека.

Чефис превратился в могучего босса, ломающего голову над тем, как бы увеличить богатство и без того разжиревшего буржуа. Печальная трансформация, свидетельствующая о том, что волчьи законы конкуренции опустошают самых одаренных менеджеров: они становятся звеньями бездушного и безжалостного механизма, производящего прибыли для избранной кучки богачей.

Повысить прибыли любой ценой

Рабочие, целыми днями вдыхающие зловонные испарения на многочисленных заводах «Монтэдисона», меньше всего были озабочены драматическими переживаниями

участников непрекращающейся ожесточенной борьбы за власть на капитанском мостике концерна. В то же время смена президента и его окружения невольно рождала у некоторых из них надежду на улучшение условий работы и всей жизни, надежду, что беспросветный и изнурительный труд исчезнет вместе со старым руководством.

Именно это чувство владело многими рабочими химических предприятий в Порто-Маргера, близ Венеции, в октябре 1968 года, когда стало известно о переходе контроля над деятельностью концерна к государственным институтам. Можно ли ждать от будущего светлых дней или по-прежнему непосильное бремя будет тяготеть над ними? Этот вопрос был на устах большинства трудящихся, оживленно обсуждавших события, которые разыгрались в «Монтэдисоне».

По прошествии нескольких лет стало ясно, что положение рабочих на предприятиях «Монтэдисона» не только не улучшилось, но даже ухудшилось. Тяжесть перестройки концерна в соответствии с философией капиталистической рационализации легла на плечи трудящегося класса.

Занявший президентское кресло Чефис заявил, что добьется укрепления пошатнувшегося потенциала возглавляемого им концерна. Однако, по мнению нового президента, для этого потребуются значительная перестройка его деятельности в течение нескольких лет. Радикальные меры по реорганизации концерна, принятые Чефисом, отражали жесткую линию капиталистической рационализации, явившуюся основным направлением экономической и социальной политики руководства «Монтэдисона».

«Повысить прибыли любыми средствами, использовать все имеющиеся резервы рентабельности, не считаясь ни с чем» — под этим лозунгом развивалась деятельность концерна в 70-х годах. Такими резервами явились, в частности, закрытие ряда производств и увольнение части рабочих, экономия на условиях труда и мерах по загрязнению окружающей среды и, наконец, использование огромных государственных дотаций.

Не один день затратил Чефис, изучая сложную структуру концерна, систему участия и подчинений, зарубежную сеть, раскинутую в десятках стран. Но упорство было вознаграждено: скоро он не только подробно знал характеристики ведущих производств «Монтэдисона», но также легко ориентировался во второстепенной деятель-

ности концерна. Более того, он держал в голове многочисленные данные о состоянии дел в отдельных секторах и с особой тщательностью собирал информацию о малорентабельных компаниях, входящих в группу «Монтэдисон».

На одном из заседаний административного совета Чефис ознакомил своих заместителей и советников с планом структурного оздоровления концерна, разработанным по его указанию специалистами — финансистами и инженерами из административного управления.

— Чтобы дерево росло и плодоносило, — заявил президент, — хороший хозяин систематически отсекает сухие ветви. Концерн обременен несколькими десятками мелких и относительно крупных компаний, которые пользуются финансовой поддержкой за счет общих прибылей группы. К ним относятся, в частности, алюминиевые предприятия, свинцово-цинковый сектор, ряд заводов по производству удобрений. Это — сухие ветви, затрудняющие рост нашего могучего дерева.

Чефис предложил в кратчайший срок решить судьбу малорентабельных предприятий. Часть из них следовало вообще закрыть, а на их базе организовать более прибыльное производство, отдельные секторы передать под опеку государственных институтов (пусть они предоставляют дотации) и некоторую часть предприятий реконструировать, доведя до современного технического уровня. План был одобрен и стал претворяться в жизнь.

В 1971 году государству были проданы горнорудные предприятия «Монтелони — Монтевеккьо», «Сиэна», «Коккапуания — Ветрокок» и ряд других. Для управления ими правительство создало специальную организацию ЭГАМ, с помощью которой бывшие рудники «Монтэдисона» удерживались на границе, отделяющей их от банкротства.

Игнорируя крайне болезненную и социально взрывоопасную проблему занятости, руководство концерна приступило к сворачиванию производства в подконтрольных металлургических предприятиях, прибыльность которых резко сократилась в условиях нарастающего сырьевого и энергетического кризисов. Логика бизнеса вела к лишению необходимых средств для существования значительных групп рабочих, вынужденных пополнять и без того огромную армию безработных — самую большую в Западной Европе.

Драматические события разыгрались осенью 1971 го-

да в Порто-Маргера, где был расположен принадлежащий концерну алюминиевый комплекс САВА. Решением руководства «Монтэдисона» он был занесен в «черные списки» и попал в категорию «сухих ветвей». Над несколькими тысячами человек нависла угроза потери работы. Возмущенные бесцеремонностью и жестокостью политики хозяев концерна, рабочие решительно выступили против произвола буржуазии. «В то время как «Монтэдисон» строит алюминиевые заводы за границей, в Италии он способствует кризису целой отрасли», — подчеркивала «Унита», разоблачая необоснованность ссылок на экономическую необходимость предпринимаемых концерном шагов.

Ростом безработицы сопровождалась перестройка химических центров «Монтэдисона» в Порто-Маргера, Бриндизи, Сиракузах. Например, на заводе удобрений в Приоло потеряли работу 200 человек, после того как концерн в соответствии с планом рационализации провел реконструкцию и установил новое оборудование; после закрытия фабрики «Монтефибре» армия безработных пополнилась на 600 человек.

Как показали дальнейшие события, Чефис далеко зашел в своих делах, не считаясь ни с рабочими, ни с природой, ни с общественными интересами. Сталкиваясь со скандальными последствиями нарушений элементарных санитарных норм на производстве, ведущих к отравлению вредными испарениями и профессиональным заболеваниям, Чефис пожимал плечами.

— А вы посмотрите, как работают люди в других отраслях, — говорил он обычно, — везде свои трудности. Производство везде производство, а не Лазурный берег.

И действительно, химическая промышленность была далеко не единственной, где условия труда приближались к невыносимым. Вот что писала «Унита», помещая интервью с рабочими туринских предприятий: «Организация труда выжимает все больше нервной и мускульной энергии, душит творческую энергию и человеческую личность тех, кто производит».

— Знаешь ли ты, что такое точечная сварка на ФИАТ? — спросил корреспондента один из опрошенных рабочих. — Лучше бы тебе этого никогда не знать! Ты должен обработать 100 деталей в час, а на каждой из них 25 точек сварки. Приходится, мой дорогой, танцевать чарльстон, будь он проклят, с утра до ночи целыми днями!

Другой сообщил, что в цеху, где он работает, нет вентиляции, а транспортные тележки для внутренних перевозок работают на нефти: администрация, видите ли, считает, что скорость электрокар слишком мала. Выхлопные газы делают воздух непродыхаемым. Летом температура поднимается до 35°, и это довольно жарко, если к тому же учесть бешеный ритм работы...

Однако тяжелое положение рабочих на других предприятиях не могло служить утешением трудящимся «Монтэдисона».

...Ни весеннее солнце, величественно всходившее из-за Альп, ни запахи пробуждающейся зелени не могли вывести из оцепенения и тоскливого одиночества Винченцу Ваккари в эти апрельские дни. Не любоваться альпийскими лугами и достопримечательностями пьемонтской столицы приехала она в Турин, оставив в родном городке Чирие троих детей под присмотром двоюродной сестры.

Ее вызвали в качестве свидетельницы на судебный процесс, возбужденный по требованию профсоюзов против руководителей компаний «Ипса» и «Акна — Монтэдисон», на анилиновых предприятиях которых от рака мочевого пузыря умерло 240 рабочих. В их числе был и муж Винченцы — сорокалетний Гвидо.

Ничтожное пособие, назначенное компанией убитой горем вдове, не покрывало даже расходов на свет, газ и воду. А ей ведь предстояло кормить и одевать троих детей, старшему из которых едва минуло 12 лет. Озлобленная, выдохшая от бессонницы и полной потери аппетита, женщина сидела в зале суда, бессильно опустив голову.

Выступающий на суде эксперт из Миланского института гигиены привел данные ряда обследований по Ломбардии за последние пять лет, подчеркнув, что прямой причиной 90% смертных случаев от рака являются химические вещества, выбрасываемые в атмосферу, воду и почву. Несмотря на то что итальянское правительство приняло ряд законов против загрязнения атмосферы и водоемов, число профессиональных заболеваний и несчастных случаев от заражения окружающей среды в промышленных областях Италии в четыре раза больше, чем во Франции и ФРГ.

— Ломбардия населена миллионами героев,— иронически завершил свои показания эксперт,— это люди, живущие на территории, покрытой ядовитым колпаком,

изборожденной мертвыми реками, напичканной заводами — бомбами, которые готовы взорваться в любой момент; на территории, где процент риска для здоровья и для самой человеческой жизни в семь раз больше, чем в любом другом месте Европы. Это — недостижимый рекорд: Пьемонт, стоящий на втором месте в этом трагическом списке, «лишь» в четыре раза превысил максимальный уровень опасности, установленный в наиболее загрязненных районах других западноевропейских стран.

Обвиняемые промышленники цинично отрицали свою вину, ссылаясь на то, что высшее руководство «Монтэдисона», которому они подчиняются, не утверждало расходов по внедрению новых средств охраны труда и установке очистных сооружений. При этом они указывали на практику других химических предприятий, контролируемых «Монтэдисоном». А руководство не переставало повторять, что рентабельность концерна является делом национальной важности. Поэтому пусть простят соотечественники те вынужденные меры, которые принимает концерн для того, чтобы побить своих конкурентов. Суд отложили в связи с необходимостью выяснения дополнительных обстоятельств. Винченца Ваккари вернулась в Чирие к своим детям, проклиная отравителей, заседающих в административных советах химических компаний.

Присутствовавшие на процессе специалисты по экологии подсчитали, что для защиты биосферы и сохранения здоровья рабочих требовались расходы, составляющие от 1 до 10% от стоимости всего оборудования, то есть приемлемые даже для мелких предприятий. Было также подсчитано, что в 1973 году на те миллиарды, которые были потрачены на покупку правых и левых газет, Чефис мог бы оснастить все заводы «Монтэдисона» всем необходимым оборудованием.

Однако Чефис, поддерживаемый другими членами правления концерна, счел слишком обременительными расходы по установке очистных сооружений. Трудовое законодательство, уголовный кодекс (который, однако, больше защищает частную собственность, чем здоровье людей), протесты профсоюзов и левых политических партий — все оказалось бессильным приостановить интенсивное разрушение биосферы. А «Монтэдисон» отделался штрафом за нарушение экологических норм.

Однако природа мстит человеку за кощунственное отношение и лишает его своих щедрых даров, которыми тысячелетиями пользовался человек. В результате по

крайней мере три реки, протекающие в Ломбардии — Олона, Севезо и Ламбро, — загрязнены так сильно, что в их водах не могут существовать никакие живые организмы. Проведенное исследование показало, что стакан воды, взятой из реки Ламбро, мог бы убить быка в течение получаса. Река Бормидади — Спиньо настолько отравлена сбросом в нее 126 различных химических веществ с предприятий «Акна — Монтэдисон» в Ченджо, что рыба, пущенная в нее, умирает быстрее, чем вытасченная из воды. Мертво озеро Орта из-за выброса меди компанией «Шатийон» (входящей в группу «Монтэдисон»), мертвы многие мелкие озера по всей стране.

Отходы химических заводов, без должной очистки вывозимые на свалки, проникают глубоко в почву и загрязняют подземные водные источники, что затрудняет водоснабжение. За последние двадцать лет загрязнение водных ресурсов в северных районах Италии, где сосредоточены основные мощности «Монтэдисона», увеличилось в четыре раза. Рисовые поля в окрестностях Милана общей площадью несколько тысяч акров уже нельзя возделывать из-за загрязнения вод, используемых для ирригации. По той же причине на многих тысячах акров обрабатываемых площадей в областях Ломбардия, Пьемонт и Венето потери урожая составили 30%.

Прибыли концерна складываются не только за счет экономии на расходах по защите окружающей среды, но также за счет экономии средств по безопасности труда. Ряд химических фирм производит, хранит и консервирует без соответствующих мер предосторожности такие вещества, как яд фосген. Он есть в Маргере, Апуании и Милане на заводах «Монтэдисона», в миланском экономическом районе и на трех складах «СНИА-Вискозы» и ИБЧ. Старые грузовые автоцистерны ездят по улицам со страшным грузом — ацетиленом в баллонах (взрыв одного из них способен разнести дом), хлором (одно дорожное происшествие может повлечь за собой тысячи смертей), расплавленным алюминием.

Отравление биосферы и смертоносные грузы, перевозимые по стране без должной гарантии безопасности, угрожают в определенной мере и самой буржуазии, то есть той группе населения, ради которой увеличиваются и творятся многоликие преступления. Однако богатому человеку открыты многочисленные пути для сохранения здоровья: курорты, виллы в укромных уголках еще девственной природы и многое другое. Платить по счету

предстоит трудящимся, таким, как Гвидо Ваккари, и тысячам других, которые ежедневно приносят свое здоровье и жизнь в жертву ненасытному химическому чудовищу.

Операция «большое мародерство»

Необычное оживление царило в особняке на площади Бонапарте в первые месяцы 1975 года. Причиной тому было известие, что в истекшем году баланс концерна сведен с прибылью в 80 миллиардов лир. Наконец-то политика жесткой экономии и оздоровления начала приносить ощутимые плоды. Чефис добился своего, сдержав обещание выправить дела «Монтэдисона», которое он дал, вступая на пост президента в 1971 году. Правда, положительные результаты во многом объяснялись высокой рыночной конъюнктурой, сложившейся в 1973 и 1974 годах, но об этом предпочитали умалчивать.

На годовом собрании акционеров президент заявил с гордостью:

— Мы добились радикальных изменений во внутренней структуре. Группа «Монтэдисон» располагает ныне современной организационной основой, производственный процесс стал более эффективным и рациональным. Все, что можно было сделать за короткий период для вывода из кризиса, сделано, результаты — налицо.

После отсеечения «сухих ветвей», слияний, укрупнений и огосударствлений в империи «Монтэдисона» функционировало 900 предприятий, на которых трудились 150 тысяч рабочих и служащих. Только одна фирма «Монтефибре» выпускала ежегодно 200 тысяч тонн продукции, которая поступала во многие страны мира. Кроме того, «Монтэдисон» обладал контрольным пакетом акций строительной фирмы «Монтэдилль», пищевой — «Алимонт», вычислительного центра «Дамамонт» и розничной сети системы «Станда», состоящей из 130 универмагов. Оборот группы в целом достиг в 1974 году внушительной суммы — 6 миллиардов долларов, а чистая прибыль составила 120 миллионов долларов.

Казалось, дела налаживаются.

Однако, как вскоре выяснилось, они не были такими блестящими, какими их изображал Чифис. Он и сам прекрасно понимал растущие трудности в деятельности «Монтэдисона», но избегал объяснений и оправданий.

Экономический кризис, начавшийся в Италии в конце 1974 года, интенсивно развивался в 1975 году и охватил все ведущие отрасли промышленности. Не явилось исключением и химическое производство. Четырехкратное повышение мировых цен на нефть, являющуюся исходным продуктом нефтехимии, усугубляло и без того тяжелое положение «Монтэдисона».

В этой обстановке родился план самого крупного за послевоенный период санационного мероприятия, названного журналистами «большим мародерством». В основе его лежала весьма распространенная в Италии практика использования частным капиталом государственного кармана для решения многочисленных проблем, и в первую очередь для усиления позиций на внутреннем и внешнем рынках. Неоднократно пользовался различными правительственными субсидиями и льготами также и «Монтэдисон». Однако то, что задумал Чефис, превосходило самые невероятные авантюры в мире бизнеса. На этот раз речь шла о мобилизации огромной суммы в 2 триллиона лир, большая часть которой поступала в распоряжение «Монтэдисона» с помощью казначейства и государственных кредитных институтов. Если соотнести эту сумму с численностью итальянцев, то на каждого из них, независимо от пола и возраста, приходилось около 50 тысяч лир, что составляло недельный доход большинства итальянских семей. Подобные субсидии не имели прецедента после 30-х годов, когда был образован Институт промышленной реконструкции.

Операция по «ограблению» государственной казны начала разрабатываться летом 1975 года и держалась в строжайшем секрете. Впоследствии говорили, что ее идея возникла у Чефиса под влиянием одного из фильмов, герой которого предложил похитить римского папу и потребовать от всех верующих соответствующий выкуп. Ведь ни один католик в мире не откажется пожертвовать хотя бы маленькое сольдино, чтобы выручить из беды святого отца. «Почему же,— рассуждал Чефис,— каждому итальянцу не выделить небольшую денежную сумму и обеспечить плавание такого красивого и быстроходного судна, каким является «Монтэдисон», с сотнями тысяч людей на борту? Нельзя же дать затонуть кораблю, в плавании которого заинтересована вся страна».

Потребовалось длительное время для того, чтобы выявить наиболее надежные источники финансирования и уточнить детали предстоящего наступления на общест-

венные финансы. Только в августе 1976 года подготовка операции была закончена, и можно было приступать к ее реализации.

Предполагалось, что 600 миллиардов лир «Монтэдисон» получит, соответственно увеличив акционерный капитал, то есть путем размещения новых акций среди владельцев свободных денежных средств. Другие 600 миллиардов лир должны были поступить в форме долгосрочного займа центральных государственных финансовых институтов, и оставшиеся 800 миллиардов лир — в форме льготного кредита, предоставленного специальными банками. Комментируя план привлечения таких огромных капиталов, ставший достоянием общественного мнения, пресса отмечала, что в нем отсутствует одна статья, которая бы гласила: «Необходимо найти банки и кредитные институты, руководители которых не отдавали бы себе отчета в том, что они делают».

Еще до того как замысел операции стал известен широкой публике, руководство концерна привлекло специальную группу лоббистского назначения, которая обеспечивала благоприятный климат «наверху»: в правительственных кругах, среди партийных функционеров высокого ранга и промышленно-финансовой элиты. В предвкушении огромного пирога с затратами не считались. Интенсивная обработка «нужных» людей принесла плоды: в ноябре 1976 года операция «большое мародерство» была завершена. Правительство одобрило план Чефиса, охарактеризовав его как важное мероприятие, которое способствует выходу национальной экономики из кризиса.

Значительная часть средств, полученных в результате «большого мародерства», предназначалась для укрепления многочисленных производственных и торговых филиалов концерна, расположенных за рубежом. На них приходилось около трети всей производимой продукции группы. Руководству концерна важно, чтобы «Монтэдисон» укреплял свое положение в семействе транснациональных корпораций, представляющих собой обширные финансово-промышленные империи, сфера влияния которых распространяется на все страны капиталистического мира. Являясь государством в государстве, «Монтэдисон» не только стремится к господствующим высотам в экономике Италии, но также спешит и обосноваться на других континентах земного шара. А это нелегко и требует мобилизации все новых и новых капиталов.

Забота Чефиса о судьбе заграничных предприятий была не случайной. На мировом рынке концерн столкнулся с другими, не менее алчными хищниками. Левиафаны химического производства США, Японии и Западной Европы теснят итальянцев, перехватывают выгодные заказы, совершенствуют технологические процессы, продают свою продукцию по более низким ценам, насыщают рынок новыми товарами.

Спекулируя на чувствах национальной гордости соотечественников, «Монтэдисон» прилагает все силы, чтобы не быть обделенным на мировой арене.

Отмеченный еще В. И. Лениным характер итальянского империализма, «догоняющего грабящих много», сохранился и по сей день. Надо спешить в страны, где воздух еще чист, где требования по защите окружающей среды не так строги, а заработная плата рабочих крайне низка!

Так что операция «большое мародерство» существенно увеличит прибыли «Монтэдисона». Итальянские граждане в течение ряда лет будут давать деньги на расширение заграничных вотчин концерна, способствуя тем самым интенсивному отравлению атмосферы в развивающихся странах. При этом умалчивается о том, что свертывание производства в Италии увеличит и без того всевозрастающую безработицу.

Наемные адвокаты всячески доказывают необходимость жертв, которые простые итальянцы должны принести на алтарь международного престижа национальной индустрии.

«Монтэдисон» требует поддержки всего общества. Руководство концерна крайне удивляется, что рабочие не желают помогать ему в достижении этой «благородной» цели. А они действительно не желают, о чем свидетельствуют непрекращающиеся забастовки, требования повысить заработную плату и улучшить условия труда, выдвигаемые профсоюзами химической промышленности.

В период «жаркой осени» 1969 года рабочие-химики бастовали с сентября по конец декабря и вынудили предпринимателей пойти на удовлетворение значительной части своих требований. Крупное столкновение повторилось при перезаключении коллективных договоров летом 1972 года. В ответ на отказ администрации обсуждать требования профсоюзов 8 июня забастовало 300 тысяч трудящихся химической и фармацевтической промышлен-

ности Италии. В этот день остановились предприятия концерна «Монтекатини — Эдисон» (включая «СНИА-Вискозу» и «Карло — Эрба»), впервые забастовали рабочие предприятий на Сардинии, где администрации до поры до времени с помощью мафии удавалось «убеждать» рабочих воздерживаться от забастовок.

Весной 1976 года, когда истекал срок коллективных договоров, забастовочная борьба вспыхнула с новой силой. Никакая демагогия предпринимателей и их наемных надсмотрщиков и пастырей не могла сдержать мощной волны рабочего движения. Трудящиеся решительно встали на защиту своих прав, против беспощадной эксплуатации на заводах «Монтэдисона».

Масштабы забастовочного движения в химической промышленности были таковы, что общая длительность забастовок в течение 1976 года составила 4 миллиона человеко-часов, а в 1977 году превысила 6 миллионов.

В 1978 году бастовало 20 тысяч работников магазинов «Станды», потребовавших от руководства концерна улучшения условий труда. Взрывоопасная ситуация складывалась в преддверии новых переговоров по заключению коллективных договоров в химической промышленности, сроки которых истекали весной 1979 года. Решимость трудящихся бороться за свои права, за достойное место в обществе крепла по мере наступления монополий на их интересы.

С каждым годом становится все ясней, что рабочий класс невозможно сломить и превратить в послушный инструмент монополий.

Так проходит мирская слава

Ласковым апрельским утром 1977 года у входа в римский Музей восковых фигур появился сухощавый седой человек в темных очках с тонкой золотой оправой. Поколебавшись несколько мгновений, он вошел в паноптикум и стал неторопливо рассматривать экспонаты. Это был Джорджо Валерио, бывший президент концерна «Монтэдисон», нарушитель нескольких статей уголовного кодекса, ожидающий судебного процесса. Он провел в Риме неделю, улаживая личные дела, и собирался возвращаться в Милан. Заказав в «Гранд-Отеле», где он всегда останавливался, такси в аэропорт, Валерио решил пройтись пешком: в его распоряжении имелось еще несколько часов. В былые времена, когда он приезжал

в Рим, ему было не до экскурсий — деловые встречи забирали решительно все до последней минуты. Теперь же, наоборот, надо было убить время.

Восковые скульптуры бывших знаменитостей настроили его на философский лад. Воплощенные мастером в прозрачном пластическом материале, они невольно наводили на мысль о тлене и прахе. Собственная жизнь Валерио являлась красноречивым свидетельством того, как обедняют и обкрадывают душу фальшивые страсти, принятые по ошибке за истинное предназначение.

Полвека назад он без раздумий бросился с головой в омут бизнеса и отдал ему все без остатка. Да, он был наивен тогда. Он верил в то, что перед талантом человека и его работоспособностью не устоит ни одна преграда. Поэтому он не уставал повторять своим детям: труд, труд и труд. Ему казалось, что его императорский пост — результат огромной работы в сочетании с природными дарованиями. Однако в этом грязном мире ценится не талант и не трудолюбие, а денежный мешок в сочетании с подлостью, лицемерием, демагогией и ханжеством. Он же тратил энергию на обогащение таких, как Аньелли и Пирелли, и им подобных, всячески стремясь урезать требования рабочих, удивляясь, как ему казалось, их непомерным аппетитам.

Что бы он ни вспоминал сейчас, перед ним возникали кабинет, телефон, бесконечные заседания, биржа.

Перед глазами Валерио, как в калейдоскопе, промелькнули лица Фаины, который еще продолжал оставаться почетным президентом «Монтэдисона», Чефиса, многих своих сподвижников, бок о бок боровшихся с ним против многочисленной армии соперников и конкурентов, и ему показалось, что все это было в давно приснившемся сне...

И что же он заработал? Деньги? Да, он не беден. Но и не миллионер, как Аньелли или Пирелли. Он заработал пенсию от концерна и в качестве приложения к ней обвинение в злостной фальсификации балансовых данных. Его знания и опыт долгие годы служили обогащению толстосумов, а когда потребовался «козел отпущения» за все, что компрометировало «Монтэдисон», его просто вышвырнули из концерна. Теперь он всего лишь прошлое — восковая фигура.

Проведя час в паноптикуме, Валерио вышел к фонтану на площади Республики и, рассеянно оглядев сверкающие на весеннем солнце мраморные фигуры купаль-

щиц, свернул на узкую улицу Национале, ведущую к центру города, к площади Венеции. День выдался на редкость теплый, почти жаркий. Валерио с изумлением оглядывал неестественно синий купол неба и убеждался в правоте сложившегося в Ломбардии мнения, что «миланцы работают, а римляне прохлаждаются».

Неторопливой походкой бывший президент прошел из конца в конец улицу Национале, пересек площадь Венеции и поднялся на площадку Капитолийского холма, с неожиданно проснувшимся любопытством оглядывая открывшуюся панораму: развалины древнего форума, видневшийся вдали Колизей и зелень редких сосен на фоне лазурного неба.

Внезапно его взгляд остановился на крупном заголовке вчерашней или позавчерашней газеты, брошенной у парапета. «Отставка Чевфиса», — грозно сообщала пресса. Валерио усмехнулся. Он читал об этой отставке и знал об открывшейся вакансии на пост президента «Монтэдисона». Ходили слухи, что после длительной торговли в деловых и партийно-правительственных кругах главой концерна определен один из старейших демохристианских деятелей — Медичи, который в прошлом занимал министерские посты в нескольких правительственных кабинетах, но не имел менеджерского опыта.

Сейчас это мало интересовало Валерио. Его дело — чтение исторических книг, посещение ипподрома и занятия с внуками. «Монтэдисоном» пусть занимаются другие, кто хочет сломать себе шею. Но все же обрывок газеты задел какую-то очень чувствительную струну в душе Валерио, и воспоминания вновь нахлынули на него.

Чудовищная несправедливость судьбы, так цинично расплатившейся с ним за все, что он принес на алтарь, по его мнению, разумного и полезного труда предпринимателя, заставила его в который раз содрогнуться от обиды. Никто не интересуется им, на нем поставили крест, как на неудачнике. Его вспоминают теперь лишь по одному поводу: судили или еще нет. Был бы он миллионером, от него бы не отшатнулись.

Все неудержимо уходит, а величие неожиданно обрачивается смешной стороной. Древние римляне знали это, когда говорили: «Так проходит мирская слава».

Валерио ускорил шаг, возвращаясь своим излюбленным маршрутом мимо Колизея по улице Кавура. Однако добраться до «Гранд-Отеля» оказалось делом далеко не простым. За время его прогулки на Капитолийский холм

все пространство от центрального вокзала до гостиницы, куда он направлялся, заполнили тысячи людей: трудящиеся Рима и близлежащих окрестностей собрались на митинг протеста против непрекращающихся провокаций фашистских экстремистов, пытающихся бессмысленными и бесчеловечными актами террора и насилия внести замешательство в крепнущее движение за демократизацию и обновление итальянского общества.

Участники стояли плотными рядами и время от времени скандировали отдельные фразы, сопровождая слова энергичными жестами. С трудом пробираясь к гостинице, Валерио впервые в жизни ощутил огромную силу и мощь людского потока, который, казалось, был способен смести любое препятствие на своем пути, и поразился организованности и порядку, царившим на митинге. Тысячи, десятки тысяч молодых и пожилых римлян, мужчин и женщин, внимательно слушающих выступления ораторов; спокойные, энергичные лица людей, сознающих свою силу и твердо стоящих на этой земле.